Виктор ЛОСЬ

Навстречу Рио+20

Виктор ЛОСЬ – доктор философских наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ

С 4 по 6 июня 2012 г. по решению Генеральной Ассамблеи ООН в Рио-де-Жанейро должна состояться очередная Конференция ООН по устойчивому развитию (Рио+20). В ее рамках предполагается не только подвести итоги «устойчивого двадцатилетия», т. е. реализации мировой стратегии устойчивого развития (УР-стратегия), принятой на Рио-92, но и оценить перспективы развития цивилизации. С августа 2010 г. под эгидой ООН действует группа «высокого уровня по глобальной устойчивости» (сопредседатели – президент Финляндии Тарья Халонен и глава ЮАР Джакоб Зума), организующая соответствующую подготовительную работу.

УР-стратегия, принятая на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992) и подтвержденная на саммите по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002), – это попытка мирового сообщества предложить адекватный ответ на глобальные вызовы современной цивилизации. К концу XX в. стало очевидно, что обострение противоречий в глобальной системе «человек–социум–биосфера» не только угрожает сохранению равновесия биосферы, но и ставит под угрозу историческое выживание современной цивилизации.

Стратегия устойчивого развития – механизм «управляемой» глобализации, когда цивилизация, не отказываясь от принципа экономизма и обеспечивая тем самым удовлетворение рационально обоснованных потребностей социума, реализует принцип экологизма, учитывающий современные природоохранные требования, и принцип социологизма, в соответствии с которым повышение качества жизни человека рассматривается как целевая установка цивилизационного динамизма.

Устойчивое развитие глобальной социоприродной системы отнюдь не есть форма выражения ее стагнации. Речь идет о динамическом равновесии системы, когда под внешним управляющим воздействием трансформация ее параметров не превышает определенных показателей. Стратегия устойчивого развития – балансирование социума между стремлением к сравнительно неограниченному экономическому росту, сохранением качественных и количественных показателей биосферы и повышением индекса человеческого развития.

Лидеры 179 стран (практически все члены ООН) подписали систему документов Рио-92, дав «отмашку» УР-стратегии (позднее, однако, учитывая трудности ее реализации, старт был отодвинут на 2005 г.).

В целях эффективности реализации соответствующих документов («Повестка дня на XXI век» и др.) была учреждена Комиссия ООН по устойчивому развитию (и Отдел по устойчивому развитию – ее рабочий орган), программа деятельности которых расписана до 2017 г. Предусматривается поддержка как правительственных, так и неправительственных структур мирового сообщества в переходе от модели неустойчивого к устойчивому развитию, в обеспечении национального динамизма в интересах как настоящих, так и будущих поколений. Стратегия устойчивого развития, указывается в Декларации тысячелетия ООН (сентябрь 2000 г.), рассматривается в качестве программы функционирования цивилизации и в третьем тысячелетии. Большинство стран мира, поддержав эти идеи, приняли национальные УР-стратегии.

В рамках «устойчивого двадцатилетия» (1992–2012) мировому сообществу вряд ли удалось достичь гармонии экономических, экологических и

социокультурных параметров динамизма цивилизации. Глобальная социоприродная система, порою угрожающе раскачиваясь, тем не менее не утрачивала динамического равновесия подсистем, не входя в зону необратимой турбулентности. Отметим исторические изменения лишь некоторых параметров системы.

Конфликт цивилизаций. Преодоление стереотипов «холодной войны» и отход от реальной угрозы «ядерной катастрофы» стали важнейшим фактором роста локальных и региональных военных конфликтов, имеющих, как правило, политические, экономические и социокультурные основания.

Распад «советской империи» и доминанта американской военной мощи явились определяющим условием потенциальной дестабилизации локально-регионального уровня, получивших форму конфликта (столкновения) цивилизаций западного и восточного типов, между иудо-христианской и арабской моделью развития («ближневосточный конфликт» и др.).

Военные конфликты на постсоветском пространстве (Чечня, Грузия и др.), дальнем зарубежье (Афганистан, Пакистан и др.), «майданные революции» (араб. «майдан» – «городская площадь») в арабском мире (Алжир, Египет, Ливия, Сирия, Тунис и др.) – реальная форма выражения неустойчивости современной военно-политической локально-региональной ситуации, обусловленной как внутренними, так и внешними факторами. При этом даже трагичность судьбы Муаммара Каддафи существенно не увеличила «степень неустойчивости» региона. Более того, сокращается присутствие армии США в Афганистане, намечается вывод их войск из Ирака, ведутся переговоры с новым сирийским руководством и т. п.

Демографические условия. Рост мирового населения – решающий фактор стабильности глобальной социоприродной системы, на котором «завязаны» практически все ее другие параметры.

Сегодня в мире насчитывается около 7 млрд человек (в 1992 г. – 5 млрд), в 2050 г. на планете будет около 9 млрд жителей. Иначе говоря, абсолютный рост мировых демографических показателей сочетается с их относительным снижением. При этом рождаемость снижалась не только в развитых, но и в развивающихся странах. И хотя определяющие мировые «демографические доноры» (Китай и Индия), сохранили свой лидирующий статус, здесь также фиксируются демографические изменения. Речь идет, например, о существенном постарении населения и его «перетекании» в городские ареалы. Молодое поколение, лучше образованное, тяготеет к трансформации традиционных демографических стереотипов.

Экономическая составляющая. Мировая экономическая ситуация не носила устойчивого характера, балансируя между ростом и серьезными потрясениями. Кризисные явления как неотъемлемый элемент динамики рыночных отношений продолжили свои перманентно «ассенизаторские функции». С конца 1980-х – начала 90-х гг. локальные и региональные кризисы сотрясали мировую экономическую систему («черный понедельник», 1987; мексиканский кризис, 1994-1995; азиатский кризис, 1997; российский кризис, 1998; мировой финансовый кризис, 2007-2011). И хотя время между кризисами стремительно сокращалось, мировая финансово-экономическая система неуклонно возрождалась.

Мировая экономика, опирающаяся на процессы глобализации, активизирующиеся с начала 1990-х годов, значительно повысила «степень интегральности» за счет включения в свою орбиту экономических систем постсоветского типа. Тем самым увеличилась взаимосвязь национальных экономик, активно использующих интегративные механизмы. Высокие технологии, реализуемые в рамках мировой экономики в условиях постиндустриального общества, формируют реальные возможности для преодоления зависимости от традиционной энергетики, повышения эффективности использования природно-ресурсного потенциала, рационализации производственно-хозяйственной деятельности. «Информационная экономика», возникшая в процессе совершенствования Интернета на рубеже 1980-1990-х гг., преодолевает фатальную зависимость социума от материальной среды, выводя деятельность в «виртуальную реальность».

Социально-экологические процессы. Противоречия глобальной системы «человек–социум–биосфера» сохранили в целом негативную динамику при определенных позитивных сдвигах на уровне конкретных локально-региональных социоприродных систем.

В бурной мировой дискуссии о последствиях климатических изменений на планете в процессе расширения производственно-хозяйственной деятельности «победили» приверженцы глобального потепления. Это и определило основные направления усилий мирового социума, направленных на смягчение последствий «парникового эффекта».

Ядерно-радиационная катастрофа на японской АЭС Фукусима Дай-ичи – эпицентр внимания к экологическим последствиям человеческой деятельности после чернобыльской трагедии. В очередной раз выявилась высокая «степень уязвимости» цивилизации в результате наложения природных и техногенных катастроф, что чревато опасными последствиями для окружающей среды и человека.

Качество жизни. В целях развития тысячелетия ООН сформулировано восемь масштабных задач, «зацикленных», на решение проблем человека (сокращение нищеты и голода, развитие образования, снижение смертности и увеличение средней продолжительности жизни, экологическая устойчивость развития и др.).

С начала 1990-х годов под эгидой ООН разрабатываются показатели индекса развития человеческого потенциала, измеряемого соотношением дохода ВВП на душу населения, ожидаемой продолжительностью жизни и уровнем грамотности. Историческая динамика этих показателей позволяет сформулировать два основных вывода.

Во-первых, пока не удалось преодолеть существенного разрыва в показателях жизни наиболее и наименее развитых стран. Тем не менее, во-вторых, фиксируется тенденция к относительному улучшению ряда показателей развивающихся стран (снижение материнской смертности и смертности детей младших возрастов, развитие образовательной системы и др.).

Острые локально-региональные противоречия, разрешаемые цивилизацией на протяжении «устойчивого двадцатилетия», не привели, однако, к опасной дестабилизации мировой социоприродной системы, сохраняющей «из последних сил» свои исторически сложившиеся характеристики. Более того, именно в этот период были заложены основания экономической модели нового типа – «зеленой экономики».

Зеленая (или экологическая) экономика – сравнительно новое направление социально-экономических наук и практической деятельности, в рамках которых устанавливается взаимосвязь (и взаимозависимость) между экономическими и экологическими системами в широком контексте (социальных, политических, культурологических и др.) реалий. Ее предпосылкой явилась тенденция экологизации экономики и рыночных отношений, когда в 1970-1980-х гг. показатели экономического роста стали активно и целенаправленно увязываться с сохранением качественных (и количественных) характеристик элементов биосферы.

С 1990-х гг. формирующаяся экономика «зеленого» типа исходит из ряда постулатов: принципиального отказа от ростовой идеологии, в соответствии с которой действует аксиома «больше – значит лучше»; критики неоклассической школы за экстернальную интерпретацию экологических и социальных составляющих экономического развития; признания реальности социально-экологических противоречий, преодоление которых связывается с преодолением исторической тенденции потребительской экспансии; необходимости распространения экологических и социокультурных стереотипов на всю систему хозяйственной деятельности социума.

В докладе ЮНЕП (2011), подводящем итоги реализации принципов «зеленой» экономики и намечающем ее основные контуры ближайшего будущего, отмечается, что инвестирования лишь 2% мирового ВВП в одиннадцать ключевых секторов экономики создает основания для реального выхода цивилизации на уровень устойчивого развития, сочетания рационализации экономического роста с уменьшением бедности населения мира. Отметим лишь некоторые из отраслей, требующих «озеленения» в первую очередь:

- энергетика – неуклонное преодоление зависимости от традиционных энергетических источников, существенное повышение масштабов обеспечения мировых энергетических потребностей за счет возобновимых ресурсов;
- промышленность – повышение «степени замкнутости» производственно-хозяйственной деятельности, обеспечение высокого уровня рационализации потребления природных ресурсов;
- аграрный сектор – существенное повышение производительности сельскохозяйственного производства, улучшение управления естественными экосистемами;
- рыболовное хозяйство – ориентация на воспроизводство и сохранение биологического потенциала планеты;
- управление городами – эффективность решения системы проблем городских поселений (переработка отходов, сокращение транспортных выбросов и др.).

Очевидно, что в рамках «устойчивого двадцатилетия» в той или иной мере реализовывался процесс «озеленения» всех элементов глобальной социоприродной системы. Стратегия экономики «зеленого» типа придает этому процессу еще большее ускорение. Ее поддерживает мировой бизнес: крупнейшие компании и корпорации разрабатывают и реализуют собственные программы устойчивого развития. Всемирный совет предпринимателей по устойчивому развитию, объединяющий свыше 200 крупнейших международных организаций, в своих последних решениях указывает: стратегия «озеленения» мировой экономической модели – ключ к устойчивому будущему цивилизации. Более того, как подчеркивают его лидеры, коммерческий успех должен сочетаться с эффективным решением социально-экологических проблем, что обеспечит «будущее компаний», являясь формой выражения корпоративной социальной ответственности.

Бизнес, поддерживая «озеленение» экономики как механизм реализации стратегии устойчивого развития, выражает стремление играть по правилам, которые устанавливаются национальным государством и международными структурами. Это в полной мере относится к УР-стратегии, в целом поддержанной мировым сообществом, члены которого

осуществляли ее реализацию разными темпами и масштабами.

Целенаправленно и эффективно действовал Европейский союз. Достаточно конструктивно реализуется стратегия ЕС по устойчивому развитию, в основе которой стремление к балансу между экономическим процветанием, высоким уровнем охраны окружающей среды и социальной справедливостью. Подводя ее итоги, Европейская комиссия отмечает их противоречивость.

С одной стороны, страны ЕС существенно продвинулись по пути устойчивого развития: правда, одни в большей степени, другие – в меньшей. При этом реализация общеевропейской УР-стратегии, имея общие тенденции (например, особое внимание к муниципальным механизмам решения), характеризуется национальными особенностями. Скажем, Швеция тяготеет к программам сбережения и рационального использования энергоресурсов, Германия делает акцент на строительстве экологически ориентированных жилищных объектах, в Голландии увлечены совершенствованием аграрных систем и т. п. В любом случае статистика свидетельствует: средняя продолжительность жизни европейского населения неуклонно увеличивается, составляя порядка 80 лет.

С другой стороны, не все благополучно в «европейском королевстве» – финансово-экономический кризис затрагивает все больше членов ЕС (реальная перспектива дефолта Греции, трудности Италии, ряда восточноевропейских стран и др.), под угрозой оказываются стабильность евро, целостность сложившейся европейской государственно-политической структуры.

В этой ситуации относительной региональной разбалансированности принимается новая европейская стратегия экономического развития на ближайшие 10 лет – «Европа 2020: стратегия разумного, устойчивого и всеобъемлющего роста». В ее основе неуклонное следование принципам устойчивого развития, а именно: динамизм экономики, основанной на эффективности применения знаний и инноваций; качественность роста, обусловленная рационализацией использования природно-ресурсного потенциала; социальность развития, когда рост направлен на повышение человеческого потенциала.

Особый интерес представляет эволюция стратегии устойчивого развития США как наиболее экономически зрелой социоприродной системы, определяющей основные ориентиры мировой динамики. Приняв под эгидой Совета по устойчивому развитию при президенте национальную УР-стратегию (1996), США связали «представление о будущем» с динамично развивающейся экономикой, охраной окружающей среды и сохранением социоприродной среды.

Администрация США стремится сочетать американоцентризм внутренней политики, направленной на повышение национального индекса развития человеческого потенциала (внимание на программы здравоохранения, совершенствование выхлопной системы автомобиля и т. п.), с восприятием глобальных реалий. Именно на это направлены американские обещания на сокращение выбросов парниковых газов на 17% к 2020 г. как один из решающих факторов мировой климатической динамики.

Чрезвычайно важна в этом отношении позиция Китая. Страна должна решить задачу глобального масштаба – обеспечение самого многочисленного населения (около 1,4 млрд человек) при сохранении устойчивости естественных экосистем и повышении человеческих показателей развития (пока средняя продолжительность жизни – около 60 лет).

Представленная программа устойчивого развития КНР (2003) носит базовый и прогностический характер. В ее рамках предполагаются: реструктуризация экономики (приоритет отдается внутренним источникам роста); реальное улучшение характеристик среды обитания человека (сокращение выбросов в биосферу); существенная рационализация использования природных ресурсов (намечается снижение энергоемкости производства).

Государственный совет КНР одобрил план сокращения выбросов парниковых газов на 12-ю пятилетку (2011–2015 гг.), согласно которому в 2015 г. выброс углекислого газа на единицу ВВП должен снизиться на 17% по сравнению с 2010 г., т. е. поддерживается «парниковый» паритет с США – основным экономическим конкурентом. Прогнозируется тенденция улучшения качества жизни человека (к 2050 г. средняя продолжительность жизни в Китае должна достичь, как планируется, современных показателей в развитых странах).

На постсоветском пространстве особую активность в области стратегии устойчивого развития проявляют две страны. А именно: Белоруссия и Казахстан.

К середине 1990-х г. в была одобрена первая Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь; утверждена Национальная стратегия устойчивого развития на период до 2020 г. В ее рамках провозглашается курс на формирование социально ориентированной рыночной экономики, построение демократического правового государства и т. п. Насколько реальна увязка «правильных» теоретических положений с их реализацией в условиях сложившейся национальной политической модели и современных кризисных экономических тенденций?

Для Казахстана характерны довольно высокие темпы экономического роста: на рубеже веков соответствующие показатели достигали 9%. Реальный технико-экономический потенциал (ресурсные

возможности, советское промышленное наследство и т. п.) создает основы для реализации стратегических планов (Концепция экологической безопасности до 2015 г., Стратегия развития Казахстана до 2030 г. и др.). Концепция перехода Республики Казахстан к устойчивому развитию (2007–2024) исходит из того, что страна станет одним из лидеров в евразийской геополитической системе.

Что касается России, то однозначно оценить сложившуюся ситуацию трудно.

С одной стороны, РФ – одна из немногих стран мирового сообщества, в которой не утверждена национальная стратегия устойчивого развития. Ей не удалось воспользоваться в полной мере периодом «тучных годов», чтобы диверсифицировать модель экономического развития, преодолеть доминанту «ресурсной экономики» и выйти на уровень современных форм динамизма. По данным ВОЗ (2011), средняя продолжительность жизни в России составляет 68 лет (показатели для мужчин немногим выходят за пределы современного пенсионного возраста). Впрочем, такие же демографические показатели характеры для стран постсоветского пространства (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Украина и др.). В результате стратегия устойчивого развития, ориентированная на качественный, но не количественный рост и не соответствующая реальным потребностям социума, не выходит на уровень приоритетных политических решений.

С другой стороны, в России есть все для того, чтобы не только принять, но и реализовать УР-стратегию.

Во-первых, объективная необходимость преодолеть «ресурсное проклятье» национальной экономики, т. е. ее зависимость от природно-ресурсного потенциала, в большей степени соответствовать стереотипам постиндустриальной цивилизации.

Во-вторых, наличие природных ресурсов, позволяющих при рациональном их использовании заложить реальные основы динамичной экономики модернизационно-инновационного типа.

В-третьих, совокупность юридических актов (указы президента, правительственные решения, доктрины и др.), как непосредственно связанные со стратегией устойчивого развития (принятые в 1990-е г.), так и эффективно с ней коррелирующие (принятые в первой декаде XXI в.).

В-четвертых, политическая необходимость, ибо вхождение в лидирующую группу стран мирового сообщества, членство в престижных международных организациях (в том числе в ВТО) предполагает поддержку общих правил игры.

В-пятых, стратегическая необходимость, поскольку евразийская сущность России исходит из баланса между вестернизационными и ориентальными стереотипами. Выход на уровень этого баланса и есть «рациональное зерно» стратегии устойчивого развития. Россия как евразийская социоприродная система имеет прогностические основания для ее эффективной реализации.

Сейчас экспертные группы активно работают над Стратегией социально-экономического развития РФ до 2020 г. Однако большая часть групп занимается собственно экономической проблематикой, а меньшая – социокультурными вопросами. И лишь одна экспертная группа рассматривает проблемы здоровья и охраны окружающей среды.

«Экономизм» формируемой стратегии понятен, ибо вне эффективной экономической базы вряд ли возможны действенные программы социокультурного и экологического развития социума. Вместе с тем Стратегия-2020, ориентированная на перспективу, решая базисные экономические проблемы, чтобы соответствовать идеологии XXI в., должна исходить из более отчетливой взаимосвязи «экономизма», «социологизма» и «экологизма».

С начала 1990-х гг. разрабатываются критерии измерения степени устойчивого развития государств (индексы, индикаторы и др.). Наиболее репрезентативны в этом отношении доклады о человеческом развитии, выходящие под эгидой ООН, где публикуются индексы развития человеческого потенциала отдельных стран. В последнем из них «Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех» (2011) соответствующие показатели увязываются с реализацией стратегии устойчивого развития, учитывая не только экономические, но и социокультурные и социально-экологические критерии.

Из 187 государств мирового сообщества выделены примерно равные по количеству группы – с очень высокими (1), высокими (2), средними (3) и низкими (4)показателями человеческого (устойчивого) развития: группа 1. Норвегия, Австралия, Нидерланды, США, Новая Зеландия, Канада и др.; группа 2. Уругвай, Румыния, Куба, Болгария, Саудовская Аравия, Мексика и др.; группа 3. Алжир, Шри-Ланка, Доминиканская республика, Китай, Таиланд и др.; группа 4. Кения, Пакистан, Бангладеш, Ангола и др.

Россия отнесена к группе 2, располагаясь в ее середине, непосредственно рядом с Белоруссией и Казахстаном. И в этом смысле реализация евразийской функции РФ имеет не только историческое, но и экономическое обоснование.

Уже на протяжении нескольких столетий Россия играет существенную роль в динамизме цивилизации. Сохранить эту роль возможно лишь преодолев ресурсную зависимость национальной экономической модели и войдя на равных в цивилизацию постиндустриального (модернизационного), или устойчивого типа.